

Живу я в городе Иваново. Всю жизнь писала стихи только в стол, никаких литературных наград нет. Люблю музыку, языки, творчество в любом его проявлении. Учусь играть на скрипке, много пишу песни, играю на гитаре. По первому высшему - неважно, по второму - переводчик в сфере профессиональной коммуникации (англ.яз). Сейчас изучаю французский. Когда есть настроение, рисую. За границами стихов я — фотограф и преподаватель английского.

из трагедий — смерть, стихия, быть Блоком в расцвет ЧК,
 когда еще чувствуешь там, где была рука,
 когда старушка поскальзывается, неся ушат кипятка,
 когда воюют, не зная совести, не испытывая стыда.
 а все твои скорби — придурь и ерунда.

хоть захлебнись слезами, хоть на люстру себя надень,
 все твои беды — отборная дребедень.
 лет через десять в этот же час и день
 что ты вспомнишь о них, окромя стишков?

если тебя на десять хватит в таком режиме.
 даже белье жутко портится при отжиме.
 которое ты себе примеряешь имя,
 какой прикрываешь шов?

деточка, пока жизнь тебе не по вкусу, она проходит.
 это поездка в один конец или что-то вроде.
 это сезон, и быть одетым не по погоде
 большая глупость из

всех возможных. ибо даже в порядке бреда
 ты не заманишь ее назад дорогим обедом,
 и вряд ли будет к тебе наведываться средам,
 и на бис
 не выйдет
 из-за кулис.

Да помилуй, какой я тебе поэт? И не в том загвоздка, что мало лет, и не в том, что рифмы достойной нет, и не в том, что сегодня бум. И не в том, что в строки уперлась лбом, и не в том, что крайний всегда ведом, если не ведет, и отнюдь не в том, что изловят за воровжбу. Что меня сжигали бы на костре, «еретик» кричали на ноте «ре», и что в душном палевом сентябре у меня постоянно рябь на руках и шее от мелких рыб, что во мне обжили себе миры; все мои потери и все дары — им ракушки да якоря.

А все дело в том, что я плоть и кровь, что во мне созвездия млечных слов, волны ржи и ливни колоколов, а не рифма, размер и ритм. Что я

тку на птичьих своих правах нити букв в изящные кружева, и они ложатся на плечи к вам, и пространство от них горит. Дело в том, что этот кипучий сплав слов и смыслов — мне — не пришей рукав, яко ужин — знаешь: пребудешь здоров, если нахрен отдашь врагу. А они все лезут, что с сургуча, и — как жрать — естественно по ночам, я б хотела — что уж теперь молчать — по-другому, но не могу.

***

однажды ты устаешь им кричать «постойте!»,
«куда вы уходите?», «что ж это вы творите?!»,
сердце, летевшее рюмкой по барной стойке,
становится белым лотосом из нефрита.
ты скалой возвращаешься на орбиту,
знаешь цену всему, что чего-то стоит.

однажды ты устаешь отрывать полсердца,
превращаться в открытый кран, в неживое море,
в могильник историй, в клохчущий кашель в хоре,
в набор реанимирующих, чудодейственных, ярких специй
к чьей-нибудь жизни. «детка, пусти погреться,
детка, ты лучшая,
детка, I'm leaving, сорри».

«валите, валите!», — орешь им, вспухают гланды,
рельефные вены ветвями ползут по шее;
— смотрите, как я без вас наконец умею!
— любуйтесь, как мне из вас никого не надо!
вся стекленея, стекаешь по батарее,
швыряешь следом в спины их барахло.

они отползают, дружно гремя хвостами.
весь фюзеляж — белёсое злое пламя.
счет теперь в твою пользу, он на табло.

Господи, как живут в этой пентаграмме,
прикидываясь, что спасся
и повезло?

коси под аборигенов. сюжет не сложен:
сойдешь за местных, надо лишь делать вид,
что тебя все это не задевает, не тянет вожжи,
не льет кислотой на кожу,
не жжет, не гложет,
даже где-то, в сущности, веселит.

***

такое одиночество, что души
души не чают в выцветшем пространстве.
и мой пиратский флаг давно приспущен,
я уличен в дурацком постоянстве.
раздетые, мы все как капли в море
похожи и едва ли отличимы,
я все еще не видела героев,
герои поддаются под нажимом.
такое одиночество, что скалы
гудят ночами в снах давно умерших.
я, верно, не тебя всю жизнь искала,
раз для тебя меня важнее вещи.
такое одиночество, что волки
уходят из лесов, чтоб не вернуться;
а гении стоят на книжной полке
и, кажется, плотней друг к другу жмутся.
такое одиночество, что память
звонит неловко брошенной монетой.
я прихожу к воде, я вся кусками
и чувствую себя совсем раздетой.
такое одиночество, что мудрость
змеиной обволакивает кожей.
и занялась, как то ни странно, рукопись,
и доказала, что сгореть - возможно.

***

я к ним лицом, а они ко мне мордой,
я к ним искусством, они ко мне модой,
я к ним с мизинцем, они ко мне с факком,
мне, право, родственней любая собака.
я к ним с ладонью, они с кулаками,
я к ним с умом, они с дураками,
я к ним с усталостью, они ко мне с «надом».
я с ними расстанусь и останусь рада.

СТИХ О ТУПОСТИ

похвально. исправить зло,
ошибку исправить решить.
бабочке оторвать крыло
и снова пришить =)
и ласково в крылья ей
просвистеть: лети мотылек;
или выдернуть из корней
растущий в камнях цветок
и в палисадник, в тень,
вновь посадить.
привет же вам, набекрень
съехавшие мозги!
и вам, кто эту страну
спасает день ото дня,
и вам, кто все перья раздув,
спасает эту меня.